

Действующие лица

Подчиненные мэра:

А н ф е н — бывший Первый капитан армии замка
К и о у н — один из банды Анфена
Ш а р ф и — один из банды Анфена
Л у п — один из банды Анфена
С и е л ь — одна из банды Анфена, волею случая ставшая
слабым магом
Д у н — полувеликан в банде Анфена
З о р к и й Г л а з — сильный народный маг
Л е й л и — жрица культа Инферно
Ф а у л ь — тетя Дуна
Л ю т — муж Фауль

Замок:

В у — Друг и Владелец Выровненного мира
А з и е л ь — дочь Ву, заточенная в замке; наследница престола — теоретически
А р х и м а г — советник и близкий друг Ву, руководитель Проекта
П р и з р а к — конгломерат пяти личностей, обитающих в зеркале Ву (и иных стеклянных поверхностях)

Совет Вольных городов:

Э р к а и р н — делегат Разрозненных народов
И л ь г р е з и С л е п е ц — мэр Эльвури
И з в е н — мэр Йинфеля

Л и х а — мэр Фейфена
О у с е н — мэр Высоких Скал
Т а у к С и л ь н ы й — мэр Тантона
В и у т и н — советник мэра Тситха

Боги / Великие Духи:

К о ш м а р — молодой бог
Д о б л е с т ь — молодая богиня
М у д р о с т ь — молодая богиня
И н ф е р н о — старый бог
Г о р а — старая богиня
У р а г а н — старый бог

Молодые драконы:

К с и н — один из восьми верховных
В ь и н — один из восьми верховных

Глава 1

Архимаг и четыре Стратега, мрачные и молчаливые, стоят в темном холле, наблюдая. Самые властные мужчины в этом мире, они находятся в сердце огромного замка, вынужденные довольствоваться жалкой ролью зрителей. Это отвратительное чувство. Ву, их Друг и Владелец, стоит на маленьком балконе спиной к ним. Свет исходит от его худого тела тонкими, перемежающимися лучами, которые, словно маленькие прожекторы, пробегают по стенам и по коже наблюдателей. Их прикосновение обжигает льдом.

Балкон вырезан из кроваво-красного камня, и руки Ву, крепко сжимающие перила, белы, как кость. Под ним глубокая квадратная комната, в которой некогда наставляли магов, проходящих обучение, а теперь она и по своему предназначению, и по использованию превратилась в помойную яму. Здесь толпятся сотни людей, неотрывно глядящих вверх, пытаясь удержаться на ногах вопреки давлению многочисленных тел. Они стоят вплотную друг к другу. Душный воздух, пахнувший озоном, пропитан странной магией, поэтому большинство из них даже не помнит, как их препроводила сюда стража от врат замка, к которым они подошли, сбежав из вымирающих от всеобщего голода городов в поисках работы. Они были накормлены, вымыты и приведены обнаженными в эту самую комнату, где так темно, что невозможно даже разглядеть, кто стоит рядом. Свет, играющий холодными лучами на стенах комнаты, не разгонял тьму и создавал странную иллюзию, что лучи от-

ражаются от поверхности воды, а не рассыпаются бликами на полированной плитке.

Когда эти лучи падают на людей, стоящих внизу, у них появляется странное чувство — будто их толкотня и попытки удержаться на ногах являются фрикцией с учащенным дыханием, до тошноты воспроизводя половой акт между ними и их Владетелем. Несколько минут назад дверь, через которую они вошли, захлопнулась — громко и необратимо.

Разумеется, появление на балконе над ними самого Ву стало для всех неожиданностью — этот человек, ставший почти легендой, казалось, шагнул к людям со страниц книг по истории. Многие глазают на него с благоговением. Вот существо, которому их учили молиться, поклоняться, клясться его именем, словно он был богом. Некоторые слышали в тавернах, как старики изрыгают его имя с проклятиями, смешанными со злыми, беспомощными слезами, не осмеливаясь вслух поведать о своих горестях. А теперь совсем близко (камнем достать) стоит он — тот, кто изменил мир этими самыми белыми, как кость, руками. И совсем скоро он заговорит с ними.

Несмотря на темноту, силуэт Ву был залит светом, шелковый наряд, оставлявший обнаженным один бок от плеча до бедра, мерцал, молоджавое лицо застыло в напряженном ожидании. Стратегам, стоящим позади светящегося тела, он кажется невероятно стройным и хрупким; однако невысокий рост и отсутствие подлинной стати для стоящих внизу незаметно. Они не видят ничего, кроме освещенного балкона, поскольку высокий потолок залы скрыт во мраке; однако случайный луч света, то и дело скользящий по забранной плиткой стенам вверх, намекает на затаившиеся там тени.

Произнесенная «речь» вызвала у Архимага любопытство, у Стратегов — беспокойство. Они, разумеется, давно пришли к молчаливому соглашению о том, что Ву, оставаясь их Владетелем, нуждается не столько в их повиновении, сколько в присмотре. Архимаг теперь даже не смотрит на него — не может. Многочисленные щиты и амулеты, вися-

Пилигримы

щие у Ву на шее или надетые на пальцы, превращают его в глазах волшебника в болезненное средоточие красного цвета. Ву носит их постоянно, не снимая — боится магического нападения, о котором никто, кроме него, не смог бы даже подумать. Однако Архимаг способен видеть лучи света, играющие в зале, равно как и чувствовать их леденящее прикосновение. Он знает, что Ву не использует магию, скорее, он — ее сила. К тому же он уже и не вполне человек, хотя этого пока не заметно на вид. Он провел в мире уже сто лет. Когда их Владетель наконец станет Великим Духом, не ведомо никому. Через годы, еще один век, через несколько дней? Или — и сердце Архимага начинает биться быстрее при этой мысли — прямо сейчас?

— Друг и Владетель, — наконец бормочет Ву, судя по всему размышляя вслух. — Их Друг и Владетель. Я их Друг и Владетель. — Он зажмуривается. Некоторые из стоящих внизу с удивлением видят слезы, бегущие по его щекам. — Вы пришли, — говорит он им, а потом умолкает на долгие девять минут.

Сверху суетящаяся, толкающаяся толпа различима лишь по глазам, отражающим свет.

Наконец, Ву продолжает:

— Вы пришли. Вы здесь, как я этого пожелал. Я, приведший вас сюда лишь несколькими тихими словами. Вы здесь.

Кто-то в толпе начинает кашлять.

— Возможно, вы сочтете, что каким-то образом вызвали мой гнев. — По его щекам струятся слезы, а голос начинает срываться. — Вы, возможно, решите... что это какой-то сбой в Проекте, вкравшаяся ошибка. Но вы должны знать правду. Я делаю это с вами... осознанно. Я делаю это с вами — предвидя. Я делаю это с вами, хотя, даже в этот миг, в моих руках покоится власть, способная остановить происходящее, — с легкостью. Но я выбираю иное. Я пойду на это. Знайте, я сделаю это с вами, не получив удовольствия, но и без реальной цели, ничто не будет достигнуто из сегодняшнего... действия. Действия, которое должно свершиться. С вами.

По комнате, как рябью по воде, пронеслись шепотки, некоторые из толпящихся поспешно зашикали, и слабые отголоски вопросов угасти.

Их Друг и Владелец содрогнулся от горя, он стиснул пальцами перила еще крепче, как человек, который вот-вот лишится сознания.

— Когда я был моложе, — сдавленно произнес он, — у меня были прекрасные мечты. Я верил, что однажды мне удастся поймать некую красоту, заставить ее застыть во времени, чтобы она не могла умереть, чтобы она жила и царила вечно — вопреки природным законам разложения. Но чтобы она осуществилась, мне пришлось пройти через страшную боль, кровь, войну и убийство, море коих по-прежнему простирается предо мной. И сейчас, хотя нет нужды уходить в сторону, или пятиться назад, или даже задерживаться в глубинах, из которых я пытаюсь восстать... и хотя камни и цветы дальше всего от ищущей длани, как обломки кораблей, качающиеся на волнах... Я по-прежнему смотрю вперед, храбро и смело, на свои былые мечты. И все же сейчас я решил сотворить нечто иное. То, что красотой не является.

По его щекам вновь побежали слезы, падая на собравшихся под балконом людей, отражая свет не хуже настоящих сверкающих драгоценных камней. Над головой Ву во тьме шевельнулась тень, и под балконом вновь пронеслась рябь взволнованного бормотания. Их Друг и Владелец поднял руку, чтобы добиться тишины, и начал петь:

— Последний взгляд, последний взгляд. Последний звук, последний звук. Мое лицо, мой голос. Мое лицо, мой голос. Тень, Тень. Ты есть, Тень.

Раздался мучительный крик, и его эхом повторили другие голоса, когда неожиданно вверх взвился столп света, открывая уродливые тени, притаившиеся под потолком. Отвратительные, чудовищные лица были прорезаны полосами и складками — большие, цвета ржавчины и похожие на морды рептилий; челюсти широко открыты, обнажая длинные острые зубы. Поначалу они казались всего лишь ужасными декорациями, возможно, скульптурами или рас-

Пилигримы

крашенными статуями — слишком страшны, чтобы быть настоящими. Затем широкие, плоские глаза одновременно открылись, а рты оскалились, издавая яростные звуки — клац, клац, клик-клац, клик-клац...

Несмотря на то что Ву пел тихо, его голос был слышен даже в этой какофонии зубовного скрежета и панических воплей.

— Тень, Тень. Взгляни на меня, Тень. Тень, Тень...

Одна из голов неожиданно спустилась вниз к покачивающейся плоти, неуклюже падая среди собравшихся. Живое ли это существо или же хитроумное устройство, трудно сказать. Челюсти захлопнулись. Голова быстро вернулась наверх, к остальным. Струя крови дугой вырвалась из комка темной плоти, вывалившегося из бездумно щелкающих челюстей.

Ближе к балкону опустилась другая голова и точно так же наносит удар, и толпа пытается податься назад. Еще одна голова падает в середине. Две по бокам одновременно. Ровно и уверенно, как кулак, устремившийся в бой, смертельно опасные челюсти низверзаются на извивающуюся, кричащую толпу; руки, ноги, порой даже куски туловищ вываливаются из рефлекторно сжимающихся и разжимающихся челюстей и тут же вновь попадают на зуб. Люди в панике тщетно пытаются выдавить дверь. Скоро все вымокают насквозь от льющейся и брызжущей крови, поскользываясь и спотыкаясь друг о друга, борясь за еще несколько мгновений жизни.

Только Архимаг способен четко видеть странную рябь, закручивающуюся по спирали и собирающуюся в комнате из-за ужасных насильственных смертей в нестабильных потоках магии. Она еще не обрела четкой структуры, чтобы стать отточенным, выверенным и намеренно сотворенным заклинанием, и это тревожит больше всего, поскольку в его узорах читается такое намерение. Он также чувствует направление, в котором эти нити постепенно начинают двигаться, — далеко за замок, к узкой длинной долине, обрамленной высокими стенами, рядом с входом в Иномирие. Одна мысль о том, что это может означать, наполняет его

ужасом, но Архимаг умело скрывает свои чувства, и голос его звучит спокойно.

— Некоторая доля нестабильности идет во благо, не забывайте об этом, — тихо произносит он. — Она означает, что Проект реализуется успешно.

Стратеги не отвечают на это замечание.

Резня продолжается еще долго. Ву поет и плачет.

Глава 2

Эрик не верил в призраков и потому был весьма удивлен, пробудившись от очень яркого кошмара — люди в яме, убиваемые непонятно кем, — и обнаружив одного из них в своей спальне. Эрику показалось, что этот задрапированный в белый шелк мужчина смахивает на римского императора. Прочерчиваемый белыми линиями, он поблескивал, как образ, сотворенный старым проектором. Белое сияние наполнило комнату, исходя из появившегося силуэта.

На протяжении нескольких показавшимися долгими мгновений Эрик и таинственный незнакомец рассматривали друг друга. Затем призрак поднял руки, словно пытаясь заключить его в объятия, открыл рот, и из неподвижных губ полились слова:

— Последний взгляд, последний звук, последний взгляд, последний звук...

Призрак пел тонким, писклявым голосом — и это был самый страшный звук, который когда-либо доводилось слышать Эрику.

Он осторожно сел. Одна часть его сознания была зачарована, другая не испытывала ничего, кроме страха.

— Что это означает? — спросил он. — Кто ты?

— Тень, тебя призывают, — произнес призрак.

Эрик протер глаза, и его гость исчез. Теперь лишь осколок луча уличного фонаря пробивался в окна, падая на комиксы о Капитане Америке, которые он сегодня отчаянно пытался отыскать почти час.

Пилигримы

Эрик включил прикроватную лампу, схватил комиксы, но читать поначалу было трудно — слишком сильно дрожали руки. К утру он сумел убедить себя, что видел сон. И возможно — но лишь возможно, — так оно и было.

Глава 3

Шахматы, хотя здесь этой игре дано совсем иное название, пришли в Левааль вместе с одной из первых групп людей-пилигримов из Иномирья. Они принесли с собой и многое другое — например, разделение года на дни и дни на часы, систему чисел, измерений и прочие нововведения, которые были с восторгом приняты (по непонятным причинам) в городах и храмах. Они принесли и семена неизвестных растений, овощей и фруктов, которые прижились на здешней почве и пришлись всем по вкусу, а также новые виды птиц и животных, включая лошадей и собак, оказавшихся на удивление полезными. С пилигримами в Выровненный мир пришло оружие — луки и стрелы, доспехи и кольчуги, всевозможные виды клинков и кинжалов, до той поры неизвестные местным. А также шахматы, шашки, нарды и другие замечательные игры.

Архимаг сидел в своей башне; бледный свет лился через высокое окно и падал на его полуоплавленное лицо. Магия редко обходится добродушно с теми, кто прибегает к ней, и сложно сказать, глядя на колдуна, насколько мягко она покарала его в этот раз, учитывая количество разрушительной силы, прошедшей через его древнее, поврежденное волшебной тело. По всему кабинету расставлены пергаменты на специальных подставках, покрытые странными чернильными письменами, которые уже невозможно разобрать — даже для него. Это сочиненные заклинания, над которыми еще ведется работа. Большинство из них слишком опасны, чтобы даже пытаться сплести их, — это всего лишь хобби, так алхимик может играть с ядами. В клетке скребет дно дракон, рвущийся домой, глубокий красный блеск давно исчез с его чешуи, пламя мертво в мощной глотке, и он,

безмолвный, неподвижный, ожидает участи, которую на сей раз уготовил ему пленитель, помимо доставляемого удовольствия от обладания столь редким существом и периодического сбора его крови. Здесь есть сосуды, наполненные веществом, которое кажется лишь облачками цветного тумана, на самом деле являющимися разновидностями чистой, необработанной силы, встречающейся только здесь, во внутренних помещениях замка; очищенные и сконцентрированные подобным образом, они воистину бесценны. Если однажды произойдет какая-нибудь катастрофа, именно к этим банкам и сосудам бросится Архимаг, забыв обо всех амулетах и артефактах, чтобы прижать их к груди и броситься наутек.

Нельзя сказать, правда, что он не будет оплакивать утрату нескольких сотен старинных томов, ровными рядами стоящих на полках. Обладание этими книгами было некогда причиной серьезной вражды и едва ли не войны между старыми школами магии. Даже Архимагу приходится прилагать значительные усилия, чтобы понять некоторые из мрачных секретов, хранящихся на пыльных страницах. Его печалит, что пришлось убить нескольких лучших магов этого мира... Было бы неплохо сейчас попросить у них совета. С другой стороны, было приятно вытаскивать тот или иной том из разнесенного на куски сейфа или сундука того или иного разрушенного храма.

Архимаг видел через окно мир — Левааль. Это его шахматная доска. Он обозревает фигуры, многие из которых по-прежнему упрямо противостоят ему. Другие двигаются бездумно, безразлично, не обращая внимания на своих человеческих оппонентов, безжалостно топча всех и вся по своему усмотрению на черно-белых квадратиках, в то время как остальные поспешно разбегаются прочь, уступая дорогу.

Много старых, могущественных фигур — пять школ магии, полугиганты и другие — давно были сброшены с доски, будучи серьезной угрозой Проекту. Сбить их было не легко, возможно, это и есть самое большое достижение Архимага.

Пилигримы

Великие Духи — совсем другое дело. У них весьма ограниченный интерес в играх и делах человеческих — по крайней мере, так гласит история. Что еще не означает, будто их присутствие не заставляет Архимага нервничать и не занимает периодически его мысли; Проект, в конце концов, и заключается в создании Великого Духа — *человека* из мужчины, который, возможно, однажды сможет противостоять другим. Это будет совершенно новая и очень интересная игра.

Пока же Архимаг уже практически победил в игре, которая идет сейчас, в игре *человеческого* правления и контроля. Шесть оставшихся Вольных Городов — его противники, положение у них плачевное, и, что хуже всего, они и сами пока этого не осознают. Они еще не знают о Мучителях с Конца Света, но скоро это произойдет. Через несколько месяцев, вероятнее всего, падет еще один Вольный Город и станет Выровненным вместе с замком. За ним последуют остальные. Ускорить этот процесс будет ему только в радость.

Дракон перестал скрести пол клетки и заснул. Со вздохом Архимаг начал размышлять о событиях этого дня и неожиданно понял, что Ву больше не участвует в его игре. Теперь он совершает ходы не рядом с ним, теперь Ву — фигура *на* доске, а не вне ее, которая движется в своем собственном направлении, вне зависимости от того, куда он, Архимаг, желает поместить ее.

Стратеги, после сегодняшнего зрелища, тоже это поняли. Однако их беспокоит вовсе не случившееся с крестьянами; разумеется, они сами, как и Архимаг, отдали приказы, в результате которых сегодня произошло куда больше смертей, и они не собирались проливать горьких слез о людях — с тем же успехом можно было оплакивать забитый скот или срубленные деревья. Скорее их беспокоит странное пламя личности их Владетеля, которое распространилось слишком далеко и слишком быстро. Поскольку Стратеги находятся рядом с огнем, пожалуй, им следует опасаться его.

Архимаг невольно задумался: как бы справился с задачей более робкий, мягкий человек, чем Ву, на этой стадии

Проекта. И начал желать, чтобы на троне сидел именно такой кандидат.

В отдалении он увидел вьющуюся по спирали нить потревоженной магии, направленную ввысь, словно по белому небу карандашом прочертили волнистую линию. Это указывало на то, что совсем недавно в том направлении было послано мощное заклинание. Боевой маг, скорее всего, но Архимага это не обеспокоило. Куда меньше ему понравилась крохотная песчинка, взлетевшая к самым облакам и исчезнувшая из вида. Это одна из Инвий, которая, скорее всего, отправилась навестить молодого дракона в их небесной тюрьме. Это фигуры над доской, с которыми он плохо знаком.

Другие Инвии висели в воздухе за замком уже несколько дней. Что им здесь нужно? Возможные варианты очень тревожили Архимага и требовали немедленного рассмотрения, хоть и были маловероятны: когда люди приходят в Левааль из Иномирья, то оказываются как раз позади замка.

Эта мысль пришла в голову впервые и оказалась весьма тревожной, да к тому же привела к другой — один из Стратегов утверждает, что Ву и сам был в той долине несколько дней назад, шел с опущенной головой, сцепив за спиной руки. Уже одно то, что Ву спустился с верхних этажей замка (не говоря уже о том, чтобы выйти из здания), очень странно. И Архимаг тоже почувствовал притяжение со стороны странной ряби, словно слепые щупальца упорно тянулись к тому местечку, к самому входу...

Иномирье. Люди из этого таинственного места — нежелательные фигуры на доске Архимага, где и без того слишком много свободных и могущественных элементов, не попавших под его власть. Из Зала Окон он не раз мимоходом глядел на их мир, и виденное беспокоило его. Похоже, там нет никакой традиционной магии, зато имеется сколько угодно странных машин, которые выглядят волшебными. Он видел оружие и на несколько дней лишился сна, испытывая одновременно ужас и отчаянное желание заполучить его в свои руки. Он видел столбы пламени под

Пилигримы

огромными облаками в форме грибов и невольно подумал, не сон ли это.

Чтобы открыть проход между мирами, нужна очень, очень мощная магия; человек не переживет даже неудачной попытки сделать это. Но Ву уже не человек. Архимаг с легкостью представляет, как Владелец рыскает неподалеку от входа в этой высокой зеленой долине. Вполне вероятно, что у Ву даже нет веских причин, чтобы бродить там; он находится под влиянием силы куда более властной, нежели слабый, рассеянный человеческий разум. «Не использует магию, он — ее сила», — думает Архимаг, и его беспокойство нарастает.

В шахматах нельзя снимать свои собственные фигуры с доски, только предлагать такую возможность сопернику. Его оппонентам в этой игре — Вольным Городам — не дано мозгов и силы воли, чтобы убрать Ву и освободить место для новой, более подходящей фигуры. Сам Архимаг никогда не осмелится даже попробовать. Единственный способ сделать это — заставить Ву захотеть выйти из игры.

Небесные огни начали гаснуть. Архимаг еще долго думал о происходящем, но его мысли занимали две вещи. Он призвал боевого мага и отправил его на стражу в высокую долину сразу за замком с приказом убить любого, кто попытается пройти, поскольку в первую очередь его беспокоил вход. Еще он рассуждал — и с куда меньшей уверенностью — о том, что означает слово «Тень».

Глава 4

Предстоящий рабочий день нависал над ним, как один из трех огромных, весьма негостеприимных холмов, отделявших Эрика Олбрайта от долгожданных выходных. Главной милостью современной эпохи было то, что в обществе считалось приемлемым проводить это благословенное время играя на компьютере в одном нижнем белье, пожирая пищу и попивая пиво, целая упаковка банок с которым